

ОБ АВТОКРАТЕ И ЕГО ОППОНЕНТАХ: ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Современность – не модерн и не постмодерн, а их помесь в реалиях сегодняшнего дня. К теперешнему всегда приложимо – до определённой поры – немало характеристик с приставкой «пост». Её наличие грамматически символизирует переход от некоего бывшего, содержательного и значимого (неважно, с положительным или отрицательным знаком), к пока лишь становящемуся, не до конца проявленному, существующему только в тенденции, фрагментарно или даже симулятивно. Нынешнему обществу уже нет особого резона в весьма абстрактной метке «постиндустриализма», оно с очевидностью выказывает устоявшуюся, вполне конкретную – информационно-сервисную – технологическую доминанту. С ней так или иначе вынуждена соотноситься вся профессиональная среда, не исключая, увы, и область образования.

Большой удельный вес сферы услуг в функционировании общества ничего ещё толком не говорит о её подлинной социальной ценности. Учитель – учит, врач – лечит, услуги оказывают – «девочки по вызову». Трудно отделаться от ощущения нечистоплотности, назойливости, показушности и тотальной купли-продажи, когда соприкасаешься с институцией сервисёров. Услуга, если за ней больше ничего нет, имеет исчерпывающий денежный эквивалент, каким бы числом он ни выражался. Её оптимальный носитель – посредник, отчуждённо снующий-пребывающий между ценностным содержанием передаваемого и соответствующей инстанцией-акцептором. Чистый посредник производит бессодержательную добавочную стоимость. Если ценностное содержание при переносе меняется, то посредник превращается в подсобника (в случае результирующей прибыли) или пособника (в случае итоговой убыли).

Даже при благожелательном взгляде на посредничество (который, признаться, неожиданно было обнаружить в тексте Режи Дебрэ, пусть и в прошлом, левака-гевариста), когда оно непременно предполагает преобразование-преображение передаваемого, посредник-медиум лишён личностных и вещных качеств, по сути, это перекрёсток в системе отношений, «это место и функция в диспозитиве переноса»¹. Подсобные работы – вернём пристрастно-критический тон и лексикон – имеют свой твёрдый, невысокий по обыкновению, тариф. При этом далеко не всегда они несут в себе действенную помощь. Та никак не укладывается в формат товарно-денежных отношений и сопряжена с даром. Он, в свою очередь, замешан, по фундированной версии Жоржа Батая², на жертвенности и жертвоприношении, отсылая нас к автократичной личности. Возможный испуг либерал-обывателя здесь преждевременен. Реальная помощь людям приходит именно от автократа – и чаще, чем реальная угроза.

Он тот, кто властвует над собой. Самостоятельность для него важнее признания окружающих. Ролью ассистента, а тем более посредника, автократ никогда не удовлетворится. Он не просит помощи от других и не навязывает им свою, помогая не абстрактно – конкретно, избирательно, точно. Он отчётливо осознаёт, что не в состоянии облагодетельствовать всех, одновременно будучи убеждён, что в подобном тотальном благодеянии и нужды-то нет, сверх того, неразборчивость во вспоможении грозит масштабными бедами. Он соглашается с тем, что «Христова любовь к людям есть в своём роде невозможное на земле чудо» (выделяя курсивом *в своём роде*) и, с подозрением относясь к любой разновидности мессианизма, отклоняет универсальную константу спасения.

¹ Дебрэ Р. Введение в медиологию / Пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. С. 203.

² См.: Батай Ж. Границы полезного. Отрывки из незаконченного варианта «Проклятой части» / Пер. с франц. И.Б. Иткина // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 235–309.

Автократия неизбежно производит или воспроизводит иерархию (ранжирование, субординацию), хотя бы локальную. Обратное не верно: возможна анонимная иерархия – институтов, законов, инструментов. И вот в соприкосновении с ней надо быть настороже. Персонифицированная же субординация настороженность во многом снимает. О неустранимости социального ранжирования в пику амбициям сетевых структур говорит даже не правого толка интеллектуал, уже цитировавшийся французский медиолог: «...передать означает организовывать, а организовывать – волей-неволей создавать иерархию. Чтобы связать людей между собой в горизонтальном измерении, необходимо драматически начать, разделяя их в измерении вертикальном»³. В содержании тезиса проглядывает утвердительно-вопрошающая мысль классика исторического материализма: в процессе производства и обращения продуктов «деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?»⁴.

Если автократ получает признание, он становится также и авторитетом. Но не всякое признание свидетельствует об автократичной первооснове: оно может выказываться распущенной персоне и проистекать из слабости почитателей. Маниакального фюрера жаждут и превозносят надломленные, униженные, отчаявшиеся. Влечение – неполноценное – здесь обоюдное. Самодостаточного человека вождь и толпа одинаково чураются и завистливо ненавидят. Вольно или невольно распространяя власть над собой вовне, автократ обретает черты авторитарной личности. Та не является заведомо преступно-деспотичной; не ограничена ипостасью диктатора, brutального или в бархатных перчатках. Фридрих Георг Юнгер прав: «...именно среди жёстких людей можно встретить по-настоящему

³ Дебрэ Р. Введение в медиологию. С. 27.

⁴ Энгельс Ф. Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1955–1974. Т. 18. С. 303.

добрых»⁵. В конце концов, пусть даже авторитарный человек вознамерен рассматривать часть или всех других не субъектами, а объектами, – согласно примитивной идеологеме – никто не запрещает этим другим не соглашаться с незавидной ролью и сопротивляться навязываемой зависимости. Собственно, статус субъекта – актуально существующего – не априорен. Он утверждается и поддерживается волевыми усилиями природы. Безвольному надо пенять на себя – не на кого-то. Одновременно и хитроумному, привыкшему загребать жар чужими руками авторитаристу, скрытному и бесчестному, рядящемуся в одежды демократии, толерантности и плюрализма, – тоже надо дать укорот: его лицедейству грош цена.

Защиты достойна не всякая – лишь нелукавая авторитарность, и при условии, что она табуирует, обуздывает человеконенавистничество. Тотальная ненависть бесчеловечна, ненависть к отдельным и некоторым – не фатальна. Потому, не исключено, что ещё хуже беспросветной ненависти штиль безразличия. Да, лучше хотя бы отрицательным образом выделять кого-то, нежели пребывать в равнодушии к окружающим. Индифферентность напрочь вымарывает не только ненависть, но и любовь. А вот ненависти, пусть и зашкаливающей, с любовью не справиться никогда. Ненавидь хоть полчеловечества (неужели есть за что?), но любовь – к единственному из многих, пусть так – спасает жизнь и судьбу, отворачивает тебя от безнадёги. Ненависть не беззлобна, однако, как и ярость, способна возвыситься над злобой, стать благородной. Любовь, земную и человеческую, не остановит и благородство. Любовь милостива и к низости – увы. Но, к счастью или несчастью, преодолагает

⁵ Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 439.

обе моральные крайности, преодолагает саму мораль с исходящей от той данью внешним силам и обстоятельствам.

Уничжительная адорновская интерпретация авторитарного индивида – как потенциального фашиста и актуального антисемита, как существа с максимально предвзятыми предубеждениями⁶ – недобросовестна и эвристически слаба. Она не позволяет ни корректно структурировать недемократические воззрения и практики, ни надёжно отличить авторитарный характер и строй от тоталитарного, ни отдать должное антифашисту-недемократу. Вряд ли вообще прилично мужчине, вне зависимости от его интеллектуальных способностей, сбежавшему от фашизма аж за океан, упрекать других людей в том, что они не боролись или недоборолось с «коричневой чумой» вокруг себя и в себе. Негоже и позицию «одинокого волка» однозначно генетически привязывать к похвальбе нацисткой верхушки и априори равнять с трюкачеством: дескать, никогда не следует верить тому, кто заявляет, что за ним никто не стоит. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: при отсутствии дополнительной информации ситуация с «одиноким волком» – пятьдесят на пятьдесят. Смешно, наконец, мыслить себя радикальным антибуржуа и громить авторитаризм. Подобных деятелей раскусил в своё время Ф. Энгельс: антиавторитаристы «требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видели ли когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных»⁷. Резюме классика недвусмысленно: антиавторитарные «противники мира капитала»

⁶ См.: Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. д. филос. н. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.

⁷ Энгельс Ф. Об авторитете. С. 305.

осознанно или неосознанно играют на руку реакции. И действительно, Т. Адорно выказывает стопроцентный оппортунизм, когда обвиняет одинокого борца в разжигании ненависти к монополизму, которая (вы только подумайте!) оказывается якобы «одним из средств ускорить победу тоталитаризма»⁸.

Заметка Ф. Энгельса, помимо прочего, вплотную приближает нас к прояснению сущности автократии. Философ, соотнося принципы авторитета и автономии, справедливо полагает их пропорцию вариативной в разных фазах общественного развития. Держа в уме очерченное подспорье, выстраиваем дефиницию: *автократия и есть подвижный оптимум в многосложном пересечении автономности и авторитарности*. Пределы автократии – от пропасти анархии до тупика диктатуры. Но между безнадёжными, бесперспективными крайностями простирается богатое поле вертикально ориентированных экзистенциальных и социальных практик. Тут особо значимы два момента: 1) власть над собой превыше власти над другими; 2) несоизмеримость, равенство, косная иерархия (индивидов, общностей, тел, вещей, смыслов) отвергаются в угоду иерархии подвижной, которая сегодня особо призвана разоблачать горизонтальные миражи сетей.

⁸ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. С. 315.